

Журнал «Отечественные записки»

Елена Чикадзе

Другая жизнь старой деревни

С конца семидесятых годов среди моих друзей и приятелей стала витать мечта о «домике в деревне». Мне трудно сейчас определить, чем было вызвано это желание сугубо городских жителей приобрести не пригородную дачу, не садоводческий участок, а именно дом в «настоящей» деревне, о которой они знали разве что по произведениям любимых тогда многими писателей-деревенщиков. Проза ли Абрамова, Белова, Шукшина была тому причиной, потребность ли отдохновения от шума и суеты большого города или возможность на время укрыться от давящей «системы», а быть может, глубоко загнанное, но неистребленное желание владеть хоть какой-то недвижимой собственностью — но нас неодолимо притягивала тихая и «простая» деревенская жизнь. Помню, мы мрачно шутили: разразится третья мировая — отсидимся в деревне.

Приобрести дом в советские времена, не выписавшись из своей городской квартиры, было практически невозможно. Тем не менее покупка, как правило, сопровождалась формальным актом: продавец давал покупателю расписку, будто взял у него в долг такую-то сумму денег (равную стоимости дома). Такие расписки нигде не заверялись, поэтому переход собственности к новому владельцу основывался исключительно на, так сказать, неписаном праве. Самое удивительное, что в девяностые годы оно приобрело силу писаного: по подобной расписке в местной администрации можно было получить соответствующую справку и затем юридически закрепить право собственности в районном БТИ.

Дома приобретались, как правило, в тех деревнях, которые в шестидесятых-семидесятых годах были объявлены «неперспективными». Работающих жителей переселяли из них в головные усадьбы укрупненных колхозов и совхозов, а оставшиеся пенсионеры либо доживали свой век в родных домах, либо на зиму перебирались к детям. В восьмидесятых-девяностых годах опустевшие дома стали заселяться новыми жильцами — горожанами. Наследники тоже использовали их как дачи. Деревни стали вновь оживать — но только на весенне-летний сезон.

* * *

Я впервые приехала в такую деревню Новгородской области летом 1991 года. Было в ней тогда 16 домов и ни одного постоянно живущего местного жителя. Но некоторое запустение и малолюдность пейзажа делали ее в моих глазах даже более привлекательной.

Хотя половина участков летом зарастала травой, все же хозяева если и не жили, то хоть изредка навевывались в каждый дом. Круглый год в деревне жила всего одна семья — питерские пенсионеры-геологи. По-настоящему заброшенным был только один дом — именно его я, полюбив эти места сразу и всем сердцем, «купила» и потихоньку начала приводить в порядок.

Першутино находится в восьми километрах от асфальтированного шоссе, ведущего в районный центр и к железнодорожной станции. У шоссе — деревня Миголощи с магазином, почтой, медпунктом и сельсоветом. Дороги между окрестными деревнями и шоссе каждый год размывались водами карстовых озер, и это стало одной из непосредственных причин запустения деревень. В 1992 году нашу дорогу вдруг отремонтировали, покрыв ее гравием. Совхоз тогда уже дышал на ладан, и большой пользы эта дорога ему принести не успела, зато сильно облегчила жизнь нам, летним жителям. Теперь можно было не тащиться с тяжеленным рюкзаком за плечами (а везли мы с собой из города все, вплоть до хлеба), а взять машину на станции и доехать прямо до дома. С середины девяностых к нам начали ездить автолавки: сначала предприимчивые частники на легковушках, а лет через пять-шесть — большой фургон от коопторга, почему-то с надписью «Почта» на борту.

С середины девяностых наша деревня начала расти. За последние восемь лет в ней построили четыре новых дома. Это уже не деревенские избы, как наши, а настоящие дачи, поскольку строили их жители близлежащего города Боровичи и поселка городского типа Хвойная. Владельцы старых домов теперь наезжают почаще — занимаются обустройством своих участков. Последние годы в деревне зимуют уже две-три семьи, да и летом она выглядит гораздо оживленной, чем 10 лет назад.

По опыту своих знакомых знаю, что похожие процессы идут в Псковской, Вологодской, Тверской областях: деревни, обреченные на вымирание и уже оплаканные нашими писателями и публицистами, обретают новую — хотя и совсем иную — жизнь.

* * *

Летних обитателей наших деревень делят на «местных» и «дачников». Если дом наследственный и им владел, скажем, еще покойный дед, то ты местный, пусть даже родился в городе (в 1992-м таких домов в нашей деревне было шесть, теперь один продали). Если же дом куплен пришлым человеком, то его хозяин — дачник. Поэтому дачниками считалась даже упомянутая семья питерских пенсионеров, хотя они жили в деревне круглый год и первыми в округе юридически оформили покупку.

Местные приезжали к нам из Миголощей по весне на тракторах или летом с косами: вокруг нашей деревни оставались небольшие островки полей, в первой половине девяностых они еще засеивались кормовыми культурами, а затем были отданы бывшим работникам совхоза под сенокосы. К августу до нашей деревни добредало стадо, и коровы разгуливали по улицам и неогороженным участкам. Помню свой ужас, когда в первое свое, еще «гостевое», лето спустилась в подпол и обнаружила там корову (дверь подпола открывают в солнечные дни для просушки). Впрочем, корова моего вопля испугалась не меньше и с громким мычанием немедленно выбралась наружу, оставив на земляном полу лепешку на память.

Местных можно было попросить перепахать трактором участок (в начале девяностых — за бутылку, «твердую валюту» в то дефицитное, талонное время, позже — за небольшие деньги). У проезжающих мимо деревни лесников покупали дрова. Деревенских нанимали на строительство, ремонт, колку дров. А еще они по весне или осенью совершали набеги на наши дома: почти каждый год пара домов оказывалась обворованной.

В нашем сообществе «дачников» сложился некий образ местного населения: поля забросили, хозяйство развалили, работы нет, вот и воруют и, конечно же, пьют. Я тоже разделяла общее мнение, пока не оказалась в 2003 году в ставших уже родными местах не как «дачница», а как социолог-исследователь[1].

* * *

Миголощи мне никогда не нравились, особенно в сравнении с Першутино. Наша небольшая деревня вся в горках и впадинках, окружена лесом и небольшими полями-опушками, так что, стоя на каком-нибудь пригорке, ты не умозрительно понимаешь, что земля круглая, и кажется, шагнешь вперед — и ощутишь под ногами ее движение...

Миголощи, напротив, кажутся плоскими и скучными. Расположена деревня у шоссе на равнинном участке. По другую сторону шоссе — плоскость большого поля, где раньше сеяли кукурузу, а теперь местные жители сажают картошку. И даже обрамляющий селение и поле сосновый лес не скрашивает этого невыразительного плоского вида. Несколько улучшила картину недавно отремонтированная каменная, 1812 года, церковь (на самом деле Миголощи — село, но иначе как деревней их не называют). Ее свежие бело-голубые краски, особенно в солнечный день, оживляют пейзаж.

Но, судя по тому, что моим коллегам Миголощи вполне приглянулись, моя неприязнь к ним во многом объяснялась личным опытом. Мне не однажды приходилось

топать туда пешком, а когда пройдешь девять километров по гравийной дороге, да без намека на тень, и выйдешь на унылую, пустую и пыльную площадь перед магазином, где негде присесть и передохнуть, а обратно предстоит плестись с наполненным рюкзаком, то неброская деревня вряд ли покажется тебе привлекательной. Впрочем, бывала я там только по крайней необходимости.

В общем, ехала я туда без всякого энтузиазма. Хотелось в родные першутинские стены, а предстояло снимать дом у незнакомых людей. Но все же наличие дома в Першутино отчасти облегчало мне «вход в поле», делая меня в какой-то мере «своей» для здешних жителей. (Вскоре выяснилось, что невестка нашей хозяйки школьная учительница Татьяна и ее старшая сестра Надежда, агроном, родились и выросли в купленном мною першутинском доме.)

Изо дня в день мы с коллегами осваивали деревню и окрестности, знакомились с людьми, и постепенно мое первоначальное впечатление о ней стало меняться. Обнаружилось, что сразу за околицей — замечательной красоты озеро, и там же равнинный пейзаж сменяется живописными холмами. На одном из таких холмов, все в соснах, раскинулось сельское кладбище с часовней. Вообще сосна здесь главное дерево, и в борах, окружающих деревню, невольно вспоминается пастернаковское: «И так неистовы на синем разбеги огненных стволов». Но главное, что деревня стала постепенно обретать лицо, я знакомилась с новыми людьми, и за каждым из них была целая жизнь, история села.

* * *

История эта типична для северо-западного Нечерноземья. До 1965 года в Миголощах был колхоз им. Жданова, затем его объединили с пятью другими колхозами и преобразовали в совхоз «Ждановский». Через год, правда, зачем-то разделили его на два совхоза. Лет десять укрупненный, по профилю животноводческий, совхоз существовал без особых изменений: дирекция и сельсовет находились в Миголощах, но фермы оставались в основном на прежних местах.

Все эти укрупнения, разукрупнения, преобразования имели целью поднять производительность сельского хозяйства. Однако к желаемым результатам это не привело: массовый отток сельского населения в города (и в первую очередь из Нечерноземья) с началом кампании по паспортизации в 1960-х годах — широко известный факт. В 1962 году в Хвойнинском районе насчитывалось 2 358 крестьянских дворов, в которых было 2 530 человек трудоспособного (допенсионного) возраста. В 1974-

м дворов уже 1 422, а трудоспособных – 1 433 человека[2]. То есть за 12 лет трудоспособное сельское население района уменьшилось почти вдвое.

Можно взглянуть на этот процесс и «изнутри». Сестры Надя и Таня, выросшие в Першутино, два первых класса закончили в соседней деревне Опарино, где была начальная школа. Затем их отправили в Миголощи, в интернат при восьмилетке. Учились там дети не только из деревень Миголощского сельсовета, но и из двух соседних совхозов. Когда Таня в 1974 году пришла в третий класс, в нем было пять учеников — т. е. всего пять детей 1964–1965 годов рождения на два с половиной десятка деревень![3]

В том же 1974 году за подъем сельского хозяйства взялись всерьез: была принята Государственная программа развития Нечерноземья, начатая, по обычаю, с большой помпой. В села Нечерноземья из других регионов стали направлять молодых специалистов, которые с энтузиазмом отправлялись осваивать очередную «целину». В 1977 году была учреждена даже медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР», которую успели получить 25 тысяч человек. В 1980-х годах в развитие названной программы приняли еще одну — «Дороги Нечерноземья», рассчитанную на 1986–1992 годы. (Не ей ли мы, першутинцы, обязаны новой дорогой?)

Совхоз «Ждановский» разделил судьбу всех хозяйств, охваченных Программой. В семидесятые годы значительные средства стали вкладываться в строительство крупных производственных комплексов; один из них к 1978 году возвели и в Миголощах, переведя туда скот со всех ферм, разбросанных по землям совхоза. У работников совхоза из других деревень выбор был невелик: либо каждый день по бездорожью добираться до Миголощей, либо туда переселиться. Большинство выбрали последнее, среди них и родители Тани и Нади, тракторист и доярка. В конце восьмидесятых першутинский дом они продали (я купила его позднее, уже из вторых рук).

Таким образом Миголощи стали интенсивно расти, а население окрестных и дальних деревень — еще интенсивнее редеть. Расцвет совхоза и, соответственно, его головной усадьбы приходится на восьмидесятые годы. Таня вспоминает, как на ее глазах за несколько лет выросли новые улицы, застроенные в основном двухквартирными домами. На деревенской «площади» поднялись каменные здания магазина, совхозной столовой, двухэтажный 16-квартирный дом. Однако на социальную сферу, как всегда, денег не хватило: комплексную школу-сад достроили лишь в первой половине девяностых, а проект нового клуба так и остался на бумаге. (Сейчас, когда деревянное здание клуба закрыли за ветхостью, клуб потеснил детский сад, заняв в нем пару комнат, а массовые мероприятия, в том числе дискотеки, проводятся в спортивном зале школы. В бывшей совхозной столовой — частный магазин.)

Активная идеологическая кампания, интенсивное строительство, достаточно высокие заработки сделали свое дело: в восьмидесятые годы в Нечерноземье не только едут молодые специалисты из других регионов, но и своя молодежь возвращается в родные совхозы после армии и учебы. Миголощи не были исключением. Об энтузиазме тех лет, о том, что работать в совхозе в то время было почетно, я слышала не раз. Один из бывших трактористов с горечью вспоминает об упущенных возможностях: мог прямо из армии поступить в военное училище, и учеба давалась — так нет, вернулся (то, что армия в девяностых годах стала деградировать и многие военные были вынуждены уволиться, при этом как-то не принимается во внимание).

Возвращению способствовала и система совхозных стипендиатов: молодые люди получали льготы при поступлении и повышенную стипендию, но после учебы обязаны были вернуться в совхоз. Совхозными стипендиатками стали и сестры Надя с Таней, закончившие одна — сельхозтехникум, другая — культпросветучилище в Новгороде. Почти все одноклассники сестер после учебы вернулись в совхоз. В восьмидесятые годы в совхозной столовой играли много свадеб. Дети тогдашних молодоженов сейчас составляют в деревенской школе самые наполненные классы.

Последний жилой дом совхоз построил в 1993-м, в него и въехала Таня с семьей. В результате перемен девяностых годов совхозное хозяйство лишилось государственной поддержки и стало потихоньку разваливаться: год за годом идет сокращение посевных площадей, поголовья скота, растет долг по заработной плате. До боли знакомая картина.

Часть работников бывшего совхоза (теперь превратившегося в кооператив), из тех, что познергичней, увольняются, не дожидаясь полного развала. Восемь человек продержались «до последнего» — всех их вместе с оставшимся скотом перевели этой весной в соседнее, пока еще живое хозяйство. В основном это женщины, для которых рынок труда в деревне крайне ограничен: школа, магазин, почта, администрация. Мужчинам легче: они идут работать лесниками, в дорожное и коммунальное хозяйства райцентра.

Но зарплаты, конечно, невелики, поэтому приходится подрабатывать. Танин муж устроился водителем школьного автобуса, но основной его заработок (строительство бань, домов и проч.) приходится на лето. Поэтому, когда осенью не успели к сроку отремонтировать школьный автобус, он только радовался. В деревне уже сложились неформальные строительные бригады, и тем, кто долго раздумывал, держась за совхозную работу, теперь уже непросто в них вклиниться.

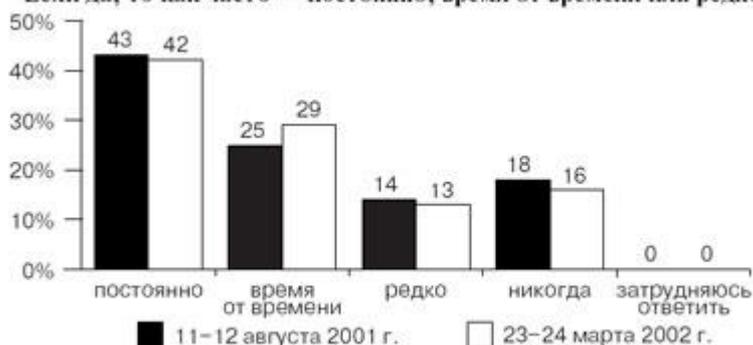
Некоторым удалось — в счет задолженности по зарплате — заполучить совхозную технику, теперь они подрабатывают на ней: кому дров привезут, кому поле вспашут. Кое-кто приторговывает спиртом, а вот самогон на продажу не варят (разве что для себя).

Несколько лет назад появился еще один вид заработка: сбор ягод и грибов. В деревне, помимо коопторга, образовалось уже несколько пунктов по их приемке. Приемщицы, нанятые заезжими предпринимателями, работают на дому, вывешивая объявления с ценами у магазина. Собираательством занимается почти вся деревня, часто целыми семьями. Кто сколько собрал ягод и сколько выручил за день — обязательная тема разговора даже при короткой встрече.

А что же «крестьянский» труд и подсобные хозяйства? (Я, кстати, с удивлением узнала, что хозяйство — это живность, огороды же хозяйством у здешнего населения не считаются.) Так вот, «хозяйство» — коров, овец, коз, свиней и птицу — держат далеко не все, зато вся деревня сажает и продает картофель. Поголовье же скота неуклонно снижается: без поддержки совхоза его содержать невыгодно. В совхозе/кооперативе можно было дешево (а иногда и бесплатно) приобретать корма и — пока существовала свиноферма — поросят. Кстати, именно поэтому увольнявшиеся не забирали свои паи: пока ты пайщик хозяйства, имеешь право на эти льготы. Да и участок под сенокос или картошку получишь не у черта на куличках. Теперь же, когда хозяйство окончательно развалилось, все приходится покупать по рыночной цене. Разводить поросят стало невыгодно: хорошо, если выручишь затраченные деньги, а работа и вовсе пропадет. В 1996 году на 221 крестьянское хозяйство района приходилось 94 коровы, в 2002-м на 183 хозяйства — всего 48. В самих Миголощах в этом году осталось около 20 коров на 130 хозяйств. Среди держателей живности совсем нет молодежи и почти нет пожилых: последним тяжело, первые не видят в этом смысла.

Скажите, пожалуйста, Вам лично приходится или не приходится работать на земле?

Если да, то как часто — постоянно, время от времени или редко?

Опрос населения 23-24 марта 2002 г. © Фонд «Общественное мнение», 2002 г.

В деревне пьют, в том числе и женщины. Хотя совсем спившихся не так уж много. Знаю несколько человек «завязавших». Знаю теперь, и кто «наведывался» в наши дома. Есть там такое спившееся семейство, которое называют «Василята», — звучит ласково, не правда ли? Двух старших братьев недавно посадили, но подрастает младший, который чуть ли не с гордостью рассказывал нам о «подвигах» старших и буднично, без стеснения — о пьянстве матери и смерти отца.

Деревня уменьшается: старики умирают, кое-кто из молодых уезжает, и почти никто не рождает. В 1996 году на 150 хозяйств в Миголощах было 407 жителей, в 2002-м хозяйств осталось 132, а жителей — 349. Но это по официальным данным, учитывающим зарегистрированных. Реально, по свидетельству местного фельдшера, в деревне проживает 304 человека: кое-кто, не выписываясь, перебрался в более благополучные места района или к родственникам.

Поколение «восьмидесятников», энтузиасты развития Нечерноземья, вряд ли покинут Миголощи: им поздно начинать новую жизнь. Но своих детей даже самые ярые патриоты родных мест, такие как Таня с Надей, настраивают на отъезд и делают для этого все, что могут. В деревне для молодежи нет перспектив ни с работой, ни с жильем (существующие дома не вмещают больше одной семьи). Из молодежи сейчас возвращаются в основном неудачники, т. е. те, кто по тем или иным причинам не смог нигде устроиться. Для подрастающего поколения родная деревня — это место, куда они будут приезжать на отдых.

«Коллективной» жизни восьмидесятых деревне уже не вернуть. Сейчас в Миголощах около 20 домов используются выходцами из этой деревни как дачные. Это количество будет со временем только расти. Деревенская повседневность постепенно меняется. Отдельная и очень интересная тема: как и под влиянием каких образцов происходят эти перемены. Не дело социолога давать оценки событиям и явлениям — мы должны лишь фиксировать и описывать происходящие процессы, — но, право, я не вижу причин петь отходную русской деревне: она не умирает, она меняется. И славу богу, ведь мы живем уже в XXI веке.

[1] Проект «Вдали от городов. Жизнь восточноевропейского села. Деревенские жизненные миры в России, Эстонии и Болгарии», 2002–2005 годы, поддержан фондом Deutsche Forschungsgesellschaft, проводится Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) и Магдебургским университетом. Проект предусматривает сравнительное исследование трансформационных процессов в постсоциалистической деревне.

[2] Иванов А. Н. Очерки по краеведению Хвойнинского района. П. Хвойная, 1997.

[3] На сегодняшний день только 13 из этих деревень имеют постоянных жителей, причем за исключением двух, расположенных у шоссе, на каждую приходится одно-два, редко три хозяйства.

Эльвира ГОРЮХИНА

Отдельные люди

Они отказываются от государства в качестве посредника и организатора жизни

В середине 70-х годов на одном из уроков я услышала реплику десятиклассника Сережи Павленко:

— Вы опрометчиво переносите любовь к Отечеству на любовь к стране.

Теперь уже не помню, в связи с чем возникла эта реплика. Но отчетливо помню, что я впала в замешательство. Ученики насторожились. Было видно, что Сережа вербализовал достаточно определенное настроение молодых. Тем не менее фраза 16-летнего подростка застряла в моей головушке.

Позднее пришло понимание, что два эти явления могут не совпадать друг с другом. Могут находиться в драматических отношениях. Но что одно может существовать параллельно другому, казалось недопустимым.

Ан нет! Жизнь горазда на сюрпризы. Вот об этом и сказ.

Василий (деревня Мереть, Новосибирская область). Уже не вертолетчик.

Знала, что он вертолетчик. До перестройки в Мерети был полигон. Василий отвечал за летную подготовку вертолетчиков. Полигон порушен. Василия отправили на пенсию. Он незаконно живет в казенной квартире. Знает, что в любую минуту его выбросят на улицу. Детей с женой отправил в Барнаул.

Мы встретились с ним в задрипанном автобусике, который шел на Сузун. Пассажиров набилось — не протолкнуться.

Едва утряслись, случился диспут. Поводом стал проезд Жириновского через Сузун. Время было предвыборное.

— Он знаш, че удумал? Деньги раздавал. Пятьдесят рублей на одно рыло.

— Да не он сам! Че городишь? Его киллеры деньги бросали. А люди подбирали.

— А вот и не киллеры. Они по-другому называются. Чегой-то я не припомню.

— Ой! Я знаю, какие-то летающие птицы...

— Да не птицы, а соколы.

— А че, соколы не летают? Сокол — тоже летающая птица.

— Интересуюсь, где они столь денег гребут?

— У тебя тыщу возьмут в кармане, а пятьдесят дадут к празднику. Живи — радуйся.
Голос им отдай.

— Да у меня отродясь тыщи в кармане не было.

— А за кого они нас примают? За дурачков? Виданное ли дело, учителя в той толпе были. Деньги брали.

— Так с паршивой овцы...

Итог подвела Нюрка, сумевшая огрести 150 рублей.

— Девки, а все же Жириновский самый понятный из всех. Че говорит — не понимаю. А в кармане полста рубликов имеется. Он все до дела доводит.

Они все еще шумели... Василий отыскал меня глазами. Начал говорить так, как это бывает в дороге с незнакомыми людьми.

Сказал, что ничего в жизни у него не получается. Если сошел с главной колеи, пиши пропало. Рушится все: умения, привычки. Куда-то деваются способы жить.

Вот вчера пошел на охоту: привычно вскинул ружье. Взвел курок, как это делал тысячу раз. Все утки улетели целехоньки.

Если садится на мотоцикл — мотор глохнет.

Приспособления к жизни утратили свою силу.

Он ехал к матери убирать картошку. Уже сходя со ступенек автобуса, сказал:

— Думаю, надо принимать какое-то решение.

Эта фраза не давала мне покоя. Что за решение? В интонациях была пугающая окончательность.

Прошло недели две. Я вернулась в Мереть. Он пришел в дом к моей подруге Вере Федоровне. Год назад она поселилась в Мерети. До этого семь лет жила в Потеряевке, что на Алтае.

Да и жила бы там, если бы единственный поезд, связывающий Потеряевку с миром, не приказал долго жить. Связь с детьми прекратилась.

Итак, Василий уже принял решение? Не совсем. Оно вызревает в нем не один год.

— Вот подаю в автобусную кассу удостоверение. Кассирша злобно бросает: «Когда стукнет тебе 60 лет, тогда получишь льготный билет». Она ждет, когда я начну выходить из себя. Я улыбаюсь. Достаю 144 рубля из 150, которые у меня есть, и подаю ей. Она злится, я — нет. Я свободен.

— Но у вас осталось шесть рублей! Какая свобода... — вспыхиваю я. — Вам еще в Барнаул и обратно.

— Да, а там, как Господь пошлет.

И Он — посылает. К сожалению, не всегда. Но это Его право. Василий понял, что установившийся порядок вещей переменить нельзя.

Все сделано для того, чтобы человека загнать в тупик. В нем, тупике, он звереет. Обратите внимание, говорит Василий, как ведет себя человек, оказавшись перед очередным бюрократическим окном. Он заранее знает: все будет против него. Частота встреч с государством прямо пропорциональна утрате веры в него — формулирует закон Василий.

Всю свою пенсию Василий посылает детям. Принес огромный пучок какой-то лекарственной травы.

— Да, я смирился, — сказал он.

Но была в этом решении какая-то печаль, которую я не могла постичь.

В разговор вмешалась Вера Федоровна:

— Вся беда твоя, Василий, в том, что ты помнишь себя вертолетчиком. Хозяином чистого неба. Когда ты забудешь, кем ты был, останешься один на один с землей, поймешь, что начал новую жизнь. Для этого надо взять в руки лопату.

...А как это? Забыть, кем был? Неужели Вера Федоровна забыла, что она кандидат медицинских наук, что занималась научной работой в знаменитом Академгородке? Забыть свои эксперименты, разработки... Своих дипломниц из университета. Нет. Это непросто. Но это так: есть земля. Дом. Работа на огороде с утра до ночи. Никакого трактора. Все вручную. Есть ощущение, что жизнь зависит только от тебя самого. Когда социальные подпорки сводятся к минимуму или совсем исчезают, остается возможность вернуться к своей собственной сущности.

А что если это капитуляция перед жизнью?

Нет! Вера Федоровна уверена, что это единственно достойный способ прожить на земле.

Жаль, что поняла это слишком поздно. Можно было прожить жизнь иначе. Самое важное — был вариант вместе с ребенком прожить его жизнь. Не оставлять его на улице с ключом на веревочке вокруг шеи. Не было бы нервных звонков с работы: разогрел? Сделал уроки? Выгулял собаку?

Мы расплачиваемся жизнью детей за нашу приверженность к ценностям, которые призрачны от начала и до конца. Вся прежняя жизнь — псу под хвост. Так и сказала.

...Пришел печник. Осмотрел кирпичи для кладки печки. Сказал, что не годятся, потому как не поют. Нет в них звона.

В доме царит покой. Слова Веры Федоровны кажутся правдой.

— Не плачьте о деревне. Она не умирает.

Вера Федоровна считает, что деревня переживает новый этап. Приезжают люди. Не дачники. И не старики. Покупают дом, огород. Как знать, может, им откроется тот самый смысл жизни, который ускользает за призраками.

Василий примет решение. Оно будет в пользу жизни, устроенной на других основаниях, как говорит Вера Федоровна.

* * *

Встреча с Василием засела в мою головушку. Кто эти люди? О чем свидетельствует их появление?

Последующие встречи (в разных районах страны) убедили меня в том, что Василий и Вера Федоровна не одиноки.

Виктор Павлов Виктор Павлов (остров Патмос, Горный Алтай)

Там, где берега Катуня предельно высоки, где воздух пропитан смолой, а ночное небо усыпано звездами, есть остров. На нем — храм ослепительной красоты. Чтобы попасть в храм, надо пройти по навесному мосту. Но сначала вы войдете в Иоанно-Богословский скит. Здесь вас известят, что вход в храм свободный. Вести себя следует пристойно. Как только вошел за ограду, чувствуешь, что движения твои замедляются.

Я ждала, когда люди пройдут мост. Последним мост покидает мужчина. Тихий шаг. В глазах усталость. Что-то еще есть в этих глазах. Есть то, чего нет ни у меня, ни у тех, кто за ним идет.

— Вы — Павлов? — спрашиваю.

— Да, — ничуть не удивившись, отвечает путник.

Храм — детище Виктора Павлова. Я что-то сбивчиво начинаю лепетать.

— Пойдемте пить чай, — сказал тихо.

Чай из редких алтайских трав. На печке стоит чайник. В воду добавляется пихтовое масло. По веранде распространяется запах живого дерева.

Виктор Павлов — знаменитый фотохудожник, объездивший весь мир. Однажды продал московскую квартиру, ценнейшую фотоаппаратуру. Приехал в Чемал, убежденный в том, что время останавливается только в двух местах на планете — в Индии и на Алтае. Павлов выбрал Алтай.

На все мои дурацкие вопросы он отвечает однозначно: «Нет!». Это ничуть не обидно. Дело в том, что Павлов расположен к любому человеку, который проходит через его скит. Он не расположен открывать душу. Точно обозначает границу, за которой начинается его личная тайна.

У входа в зимние комнаты — портрет женщины, которую я приняла ни много ни мало то ли за Аву Гарднер, то ли за Лиз Тейлор. Это оказалась жена Павлова. Живет здесь же. В скиту.

Он сказал, что хочет полного уединения и отъединения. От того, что было смыслом его прежней жизни. Пока не удастся остаться одному. Но он попытается.

Одуряюще пахнет пихта. Тишина заполняет пространство твоей души. Мы договорились, что я вернусь на остров. Павлов оговорил условия, при которых я могу попытаться постичь смысл отъединенного состояния.

Игорь Андросов (деревня Карабаново, Костромская область)

Ему сорок с небольшим. К верующим себя не относит, хотя уже семь лет работает у отца Георгия. Восстанавливал церковь. Поставил маковку. Вместе с крестом — это 28 метров. По профессии музыкант. Домрист. Окончил музыкальное училище. Не без гордости говорит, что многие скрипичные произведения переложены на домру. Играл в оркестре. Когда порушилась жизнь (и оркестр тоже), ушел играть в ресторан. С искусством это не совместилось. Бросил все. Был период, когда музыку слышать не мог. Начинать с того, что какой-нибудь старухе чинил табуретку. Вгрызался в любую работу. Стал классным резчиком по дереву, металлу.

Главный девиз Игоря Андросова — никогда не иметь никаких дел с государством. Я что-то вякнула о природной ренте. Игорь оборвал меня:

— Знаете, сколько стоил баррель нефти при Брежнев? Ну и сколько в вашем кармане было? Помяните мое слово: отберут все у Ходорковского — в свои карманы спрячут. Я в их игры с олигархами играть не собираюсь.

Ирландцы, увидев работы Игоря, пригласили его в Ирландию. Что-то не заладилось с оформлением. А зачем ему, Игорю, золотому мастеру, капитал?

Он купил бы землю, технику и собрал таких бедолаг, которые притулились у батюшки. Видели их? Видела. Среди пяти человек только один не зэк. Ни документов, ни работы, ни семьи. Им всем нет сорока лет.

— У них надежды на жизнь нет никакой. Я бы завел на каждого счет в банке. Многие из них умеют работать. На моем веку у батюшки перебивало человек сто таких. Где они сейчас? Поди, грабят, пока их не схватили. Сегодня вот опять Вовка в запое. Взял у Федьки шмат сала и обменял на бутылку самогонки. Федька остался голодным.

Люда Кананова (деревня Сергеевка, Новосибирская область)

Получила письмо от своей бывшей ученицы. Четверть века учительствует в деревне. Письмо о жизни. «Нам нельзя быть слабыми. Надеяться надо только на себя. Может,

мужики вспомнят свою крестьянскую суть и станут крестьянствовать самостоятельно. Вы видели наши порушенные фермы, а ведь у нас лучшие в районе уголья.

Я хочу вам сказать: появляются люди, не оформленные ни на какую работу. Живут частно. Отдельно. У меня в классе одному мальчику купили компьютер за 25 тысяч. Первый компьютер в деревне. Первая ласточка, как мы говорим. Папа мальчика — вольный крестьянин. Сено косит себе и по найму. Пашет людям огороды, возит грузы, пять коров держит. А Иван Викторович из Воскресенки (вы его знаете) пригнал нынче зимой «УАЗ» из Стрежевого...

Для меня важен толстовский (лёвинский, крестьянский) жизненный принцип: «Счастье, батюшка, это — здоровье и спокойная жизнь».

У меня есть возможность по-есенински затеряться в зеленых стозвонах и не мучиться «любовью к родному краю» издалека. Я здесь живу.

Только бы у нас последнее не отобрали. Я вот все думаю: а вдруг за школьное помещение будут аренду брать?».

Послесловие

В день памяти Льва Толстого в Доме-музее на Пречистенке шел мастер-класс ученых из Тулы.

Был рассказ о толстовцах, которые нам представляются то сектантами, то чудаками. Проявления толстовства не до конца изучены. Они не бесспорны. И многолики.

Один из них мне показался до странности знакомым.

В 20-х годах прошлого века народное волеизъявление породило общины, в основе которых лежало учение об экстархизме.

Экстархисты — это внегосударственники. Они отказываются от государства в качестве посредника и организатора жизни. Это прямой выход к поискам смысла, который лежит в сфере духа и материальной оценке не подлежит. Это не вызов государству. Не борьба с ним.

Сегодняшний внегосударственник, каким я его увидела, не отягощен общинной психологией. Напротив, его волеизъявление подчеркнуто лично. Индивидуально.

Можно уйти в монастырь или скит. Но можно, оставаясь в миру, попытаться вернуться к себе, каким замыслил тебя Творец.

Мне захотелось понять, что является источником резкой смены жизненной стратегии. Что стоит за этим «однажды»...

Среди тех, с кем столкнула меня судьба, были верующие и неверующие. Оказалось, что приход к вере чаще всего был следствием осознания своей отдельности, если

позволительно так выразиться. (Какой парадокс: Церковь срачивается с государством. Верующие от него отделяются.)

Некоторые ученые полагают, что наступила эпоха риторики. Рекламы, пиар — составная часть обыденной жизни. Торжествует тот тип коммуникации, который позволяет управлять поведением человека тотально. Самый наглый манипулятор — государство. Отчуждающий человека от его сущности.

Люди кожей ощущают этот государственно-коммуникативный гнет, лишаящий их свободы выбора.

Вернуть свою субъектность (как сказал бы психолог) можно только ценой ухода. Так творится подлинная история, которая не есть смена идиологов на троне, а есть реальная жизнь неповторимого человека, осознавшего свою отдельность.

У человека есть возможность спасения. Она связана с работой духа, с попыткой восстановить естественную связь с землей, природой, близкими людьми. Иначе к чему все муки бывшего вертолетчика, уверенная сила ученого-биолога, жизненный подвиг Виктора Павлова и мечтания карабановского мастера спасти заблудшего ближнего.

Что подумает сосед Василий?

Социологи и психологи помогли компании ЭФКО создать систему мотивации эффективной работы для сельских жителей Белгородской области

«Россия опасна мизерностью своих потребностей», — сказал в позапрошлом веке Отто Бисмарк. Опасна она не только для врагов, но и для самой себя. Западные системы мотивации эффективного труда кое-как приживаются в крупных городах, но терпят полное фиаско за их пределами. Да и Советский Союз погиб в первую очередь из-за того, что социалистическая концепция «морального и материального поощрения ударного труда» не работала.

В российской провинции большинство составляют люди, которых работать не заставят ни деньги, ни власть, ни слава, потому что они им не нужны. А что нужно? Ответ на этот вопрос корреспондент «Эксперта» получил в беседе с Валерием Кустовым — генеральным директором компании ЭФКО, которая производит продукцию под известными торговыми марками «Слобода» и Altero. Разговор наш состоялся в его кабинете на масложировом заводе в городе Алексеевке Белгородской области.

Неопределенно-мечтательная мотивация

— Действительно, когда я увидел результаты социологического исследования местного населения, мое состояние было близко к истерике, — рассказывает Валерий Кустов. — Оказалось, что материальных потребностей у этих людей нет, эмоциональных тоже. То есть мотивировать их нечем. Каждый второй сказал, что ему не нужен туалет в доме. Двадцать восемь процентов не видят необходимости в душе, тридцать пять — в легковом автомобиле. Шестьдесят процентов ответили, что не стали бы расширять свое личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность. Такое же количество, шестьдесят процентов, открыто признались чужим людям — опрашивающим, что не считают воровство зазорным. А сколько еще просто постеснялись об этом сказать! При этом значительное число «неворующих» отметили, что им просто нечего красть.

Оказалось, что нет и лидеров, с которыми мы могли бы начать работу: пять процентов в принципе готовы к предпринимательской деятельности, но прогнозируют очень негативную реакцию окружающих на свои действия и не решаются. На них опереться мы не могли: пять процентов против девяноста пяти — это война, в которой проигравший

понятно кто. Мы были убиты. Ни одной модели ни стандартного, ни нестандартного решения на тот момент мы не видели.

— А зачем вам понадобились мотивированные крестьяне?

— Для развития нашего масложирового производства (ЭФКО производит подсолнечное масло, майонез и мягкое масло. — «Эксперт») нужны были собственные сельскохозяйственные ресурсы. Наши заводы, расположенные в Белгородской области, окружали разоренные хозяйства. С них мы и решили начать. Ведь после развала колхозов каждый сельский житель получил земельный пай — пять-семь гектаров земли, обрабатывать которые у него возможности не было. Мы арендовали сто четырнадцать гектаров. Материальные ресурсы, семена, удобрения, технику мы имели, но сами всю эту землю обработать, понятно, не могли. Поэтому нужно было пробудить у сельских жителей желание работать и энтузиазм.

— Что вы им предложили?

— Беспроцентные ссуды, акции, власть, доход, возможность самореализации.

— И они отказались?

— В общем, да. Просто работа не пошла. Многие считают, что первые шаги руководителя агрохолдинга очень просты: мы будем владеть, а они будут работать, мы берем на себя ответственность за крупнотоварное производство, а все проблемы крестьян для нас не существуют. Но проблемы на сельской территории существуют, и они заставили обратить на себя внимание: мы получили сожженные комбайны, металлические штыри на полях...

Вот тогда мы поняли, что ситуацию надо прояснить, и пригласили группу московских социологов для проведения исследования, автором и научным руководителем которого стал доктор философских наук профессор Высшей школы экономики Азер Эфендиев.

Когда психологи проводили интервью с крестьянами, им очень важно было соблюдать роли ведущего и ведомого. Позже психологи признавались, что уже на третьей минуте разговора они были не ведущими, а ведомыми. Как бы они ни пытались построить свою защиту, эти, казалось бы, необразованные, в фуфайках, люди их просчитывали быстрее

— Что еще показало исследование?

— Очень много всего. Оказалось, что в среднем каждая девятая-десятая опрошенная семья живет на уровне нищеты (из нескольких стандартных вариантов ими выбран ответ «Живем очень бедно, не всегда даже едим досыта»), пятьдесят девять процентов просто бедны («Слава Богу, кое-как концы с концами сводим, скромно питаемся, одеты в прочное, но старое, новую одежду и что-нибудь в дом не приобретаем — нет средств»). То есть уровень жизни семидесяти процентов опрошенных сельских семей оказался неудовлетворительным.

При этом преобладающая в среде мотивация — неопределенно-мечтательная. На вопрос, стремятся ли они к достижению более высокого уровня жизни, осуществляют ли для этого необходимые усилия, каждый второй выбрал ответ: «Мечтаем, надеемся, что как-нибудь положение улучшится». Смирение с нынешним положением и покорность высказала треть опрошенных. И только каждый пятый имеет в каком-то виде достиженческую мотивацию, стремление за счет дополнительных серьезных усилий улучшить свою жизнь. Итак, вырисовалась катастрофическая мотивационная ситуация: пассивность, мечтательность, минимизация потребностей и, соответственно, усилий, просто лень.

— Кто больше мотивирован: «зажиточные» или бедные?

— Конечно, «зажиточные» больше. Уклонение от активности развито тем сильнее, чем беднее живет человек. И это, собственно, объясняет, почему он недоедает. А при такой мотивационной структуре можно ждать, с одной стороны, углубления и расширения нищеты, а с другой — рывка к более высоким стандартам жизни со стороны незначительной части сельских жителей. То есть произойдет резкая поляризация, что может привести к социальному взрыву на селе.

Вообще крестьяне склонны снимать с себя ответственность за свою жизнь. Абсолютное большинство считает, что их личное благосостояние зависит от того, как развивается общество в целом. К противоположному мнению («при всех перипетиях нашей жизни в конечном итоге все зависит от самого человека») склонились двадцать два процента — в три раза меньше. Пятьдесят процентов согласились, что они «такие, какими их сделала жизнь». И только треть ссылается на собственный выбор.

— С чем социологи связывают такую пассивность?

— Этому много причин, и далеко не все понятны. Одна из них — в течение веков самые предприимчивые и расторопные уезжали в города, а в деревнях оставались те, кто вообще не любит перемен. И поэтому последние десять лет для крестьян — просто мука. Нынешние жители села испытывают мучительный стресс даже тогда, когда председателя колхоза переименовывают в генерального директора или произносятся слова вроде «акции» или «АО».

— А ворует кто больше: бедные или не очень?

— Самое интересное, что крадут все одинаково. Воровство признается социальной нормой, оно легитимизировано.

Эмпатия — ключевое слово

— Отчаявшись найти решение, мы позвали в Белгородскую область группу психологов во главе с профессором Николаем Конюховым. Они провели огромный объем работы — каждый из исследованных ими крестьян прошел тест «Семантический дифференциал»

(триста шестьдесят оценок, сравнений), ММРІ (Миннесотский многофазный личностный опросник — пятьсот пятьдесят шесть вопросов) и несколько других. В общей сложности каждый крестьянин ответил на полторы тысячи вопросов.

Каждый второй опрошенный крестьянин в Белгородской области сказал, что ему не нужен туалет в доме. 28% не видят необходимости в душе, 35% — в легковом автомобиле. 60% ответили, что не стали бы расширять свое личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность. Такое же количество, 60%, открыто признались, что не считают воровство зазорным

— И каков результат этой грандиозной работы?

— Очень простой. Мы нашли точку опоры, или, точнее, почву, на которой можно построить всю систему мотивации.

Оказалось, что единственно значимыми вещами для крестьян являются мнение окружающих людей и искренность. Общественное мнение значимо настолько, что крестьяне не хотят об этом говорить с исследователями. Например, когда им задавали вопрос: «Вам мнение вашего соседа Васи важно?», — ответ был: «Да вы что, да я его, да пошел он!» А когда спросили не его вербальное сознание, а его душу (через тесты), оказалось, что ради мнения этого соседа он готов на луну запрыгнуть.

И искренность, открытость. У них уровень эмпатии по сравнению с представителями других культур выше на несколько порядков.

— Извините, а что такое «эмпатия»?

— Это эмоционально-чувственное восприятие. Психологи условно разделили всех жителей России на две культуры — рационально-достиженческую, представители которой живут чаще всего в городах, и эмпатичную — жителей периферии. Они отличаются друг от друга как небо и земля.

Например, у селянина в отличие от горожанина минимальна эффективность аудиального канала. То есть мою речь они слышат, но не воспринимают. Я могу их через звукоусилитель хоть в светлое социалистическое будущее звать, хоть в капиталистическое, им это все равно. У них взамен развито визуальное и кинестетическое восприятие.

— То есть они верят только в то, что видят или пощупают? Почему?

— Эти каналы защищают их от иллюзий. За плечами этих людей очень трудная жизнь, и они знают, что самое опасное — это привнесенные системы ценностей и идей, которые нельзя пощупать и проверить. Их жизненный опыт говорит одно: если кто тебе и поможет в трудную минуту, так это сосед, и все. И больше никто.

— Тот самый сосед Вася? И поэтому для них так важно мнение соседей, односельчан?

— Да. В ходе опроса моделировались ситуации, когда селянам надо было принять решение самостоятельно. Они тотчас от него отказывались, если оно не совпадало с мнением большинства. Для них значим человек, с которым они постоянно взаимодействуют. Их история привела к тому, чтобы не книжки читать по психологии, а изучать человека через собственное эмоционально-чувственное восприятие.

Для крестьян важнее всего их микрогруппа, очень узкий круг людей, где они могут быть полностью открыты. Ведь они не просто открывают душу и чувствуют. Им нужно понять: кто ты по отношению к нему, чего от тебя ждать

— То есть они сами хорошие психологи?

— Очень. Когда наши психологи проводили интервью, им очень важно было соблюдать роли ведущего и ведомого. Опытные специалисты пытались создать эмоциональный контакт и почувствовать то же самое, что и собеседник, — в этом состоит их профессионализм. Так вот, многие из этих психологов говорили, что уже на третьей минуте разговора они были не ведущими, а ведомыми. Им отвечали не то, что думает крестьянин, а то, что опрашиваемый хочет услышать. Как бы они ни пытались построить свою защиту, эти, казалось бы, необразованные, в фуфайках, люди их просчитывали быстрее. Уровень подстройки у них выше, чем у дипломированных психологов. Это и понятно. Когда внутреннее восприятие человека является основанием для выживания, безусловно, этот канал развивается.

Поэтому эти люди очень быстро эмоционально устают. Тогда у них наступает ощущение пустоты, которого они очень боятся, а с ним и эмоциональное перенапряжение. А это уже мордобой, водка и все остальное. Поэтому они очень берегут свою эмоциональную целостность, они аккуратны в коммуникациях.

— Аккуратны в коммуникациях? Вы же говорили, они открыты, искренни?

— Для крестьян важнее всего их микрогруппа, очень узкий круг людей, где они могут быть полностью открыты. Ведь они не просто открывают душу и чувствуют. Им нужно понять: кто ты по отношению к нему, чего от тебя ждать. Вопрос прогнозируемости для сельского жителя — не желание и не научный интерес, а объективная потребность, обеспечивающая существование его самого, детей, рода. Крестьяне знают, что человек, который рядом, — единственное, на что можно опереться в трудную минуту, ничего другого нет. И поэтому при коммуникации у него тратится огромное количество эмоциональной энергии. И вне пределов микрогруппы селянин в контактах аккуратен.

— Ваша компания, видимо, в его микрогруппу не входит?

— Если бы только это, строить мотивации было бы намного легче. Там есть еще одна радость — двойной зажим Блейера. Это психологическое явление, когда в человеке

одновременно уживаются противоречивые чувства, и для него характерно это состояние напряжения, колебания. И если вдруг получается так, что в какой-то момент времени преобладает какое-то однополярное эмоциональное состояние, то с большой степенью вероятности в скором времени оно сменится прямо противоположным. И если сегодня сельские жители относятся к ЭФКО хорошо, то завтра все может враз измениться — без всякой видимой причины.

— Если они относятся к вам хорошо, то на самом деле для вас это — плохо?

— Да. Вся история им говорит, что не бывает добра и зла, это две стороны одного и того же. Быть передовиком — хорошо, тебе дадут флажок, деньги даже, но у тебя будут мозоли, и ты посадишь здоровье. Для них нет ничего однозначного, все имеет две стороны. Чем сильнее их пытаешься в чем-то убедить, сформировать эмоциональный центр в одной плоскости, тем быстрее в противоположной плоскости у них сам собой формируется другой центр.

Вот, казалось бы, пришли мы, инвесторы, — какое счастье! Мы даем им ссуды, строим больницы, школы. Вы думаете, у них всплеск позитивных эмоций?

— Нет?

— Хорошо, что к этому времени мы уже многое знали. Мы не хвалили себя, а говорили, что пришли помочь, но бесплатных пряников не бывает. Чтобы добиться симпатии крестьянина, мы должны преподносить две противоположности, чтобы эмоциональный центр смещался совсем незаметно. Мы говорим, что приносим им и что-то хорошее, и что-то плохое, но хорошего немного больше.

ЭФКО создала на базе колхозов новый тип коллективно-акционерной организации сельскохозяйственного производства. Мы стали совладельцем бывших колхозов, выделили необходимые для подъема разоренных хозяйств инвестиции и привнесли свой опыт организации. В этом варианте сочетаются два важнейших элемента: с одной стороны, привносится опыт эффективного рыночного конкурентоспособного ведения дел, а с другой — сохраняется общественный характер организации производства сельскохозяйственной продукции

— О чем плохом, что приходит с вами, вы сообщаете?

— Мы сообщаем, что забираем у них власть, контрольный пакет акций теперь у нас. Но крестьяне получают школы, больницы, корма, технику. И они делают выбор.

Правила и информация

— Для крестьян важнее всего общественное мнение, а оно легитимизировало кражу. Наверное, вам очень трудно бороться с воровством?

— В том-то и дело. Воруют они колхозное имущество, а ведь в деревнях двери до сих пор не закрывают. У своего соседа по микросреде красть они не будут потому, что сосед — это, как мы уже говорили, единственное, на что можно опереться в трудную минуту. И сосед это знает. Если станет известно, что Вася украл у соседа, Вася станет изгоем. А хуже этого для него нет, потому что система межличностной зависимости для него по эмоциональной значимости находится на уровне жизни и смерти. Мы этим и пользуемся. Мы попытались создать такую форму социально-экономических отношений, при которой человек был бы включен в коллектив. Я, крестьянин, должен получать деньги, которые обеспечивают нормальное существование. И в то же время от результатов моего труда должны зависеть все окружающие, другие члены микросреды. Гарантом моей эффективной деятельности является не полученный материальный эквивалент, а реакция внешней среды. Как только я начинаю плохо работать, от этого становится хуже всем. А это уже фактор, на несколько порядков лучше обеспечивающий мою эффективность, чем деньги. Для соседа Васи важны не деньги, а то, что я не делаю так, чтобы ему было хорошо. И я знаю, что если я не делаю ему хорошо, он возьмет шило и поправит меня в нужную сторону. Это система индивидуализма и взаимозависимости, сдержек и противовесов.

— Неужели теперь все держится на взаимном контроле крестьян?

— Практически да. А по-другому все равно не получится. Были у нас такие случаи. Тракторист поехал на тракторе домой в соседнюю деревню обедать, истратил лишнее время, горючее. Раньше мы пытались таких наказывать — лишали премии, не давали им работать на хорошем оборудовании. Но крестьяне — это целое. Попытка совершить в отношении одного негативную санкцию приводит к свертыванию среды. Нам казалось: это крестьянам дисциплина нужна, а не нам. Когда мы этому трактористу, условно говоря, по голове даем, мы же им лучше делаем. А они видят негативное вмешательство в свою среду и воспринимают нас как врага. Они сплачиваются и воюют с нами, а про то, чтобы со своими разобраться, в пылу забывают.

Существующая теперь система почти исключает наше вмешательство. Она держится на двух вещах: правилах и информации. Мы предложили правила, механизм формирования санкций, их принятие, и отошли. Не мы обеспечиваем их выполнение, а информация.

— Как?

— Издается, например, внутренняя газета. В ней мы теперь напишем, что тракторист, его фамилия, имя, отчество, из такого-то колхоза поехал на тракторе домой обедать, израсходовал горючее на такую сумму. Доходность уменьшилась, значит, все получат

меньше. Это достаточно для того, чтобы крестьяне бросились выяснять, а Вася в дальнейшем ответственно поступал.

— Как официально оформлены отношения ЭФКО с крестьянами?

— ЭФКО создала на базе колхозов новый тип коллективно-акционерной организации сельскохозяйственного производства. Мы стали совладельцем бывших колхозов, выделили необходимые для подъема разоренных хозяйств инвестиции и привнесли свой опыт организации. В этом варианте сочетаются два важнейших элемента: с одной стороны, привносится опыт эффективного рыночного конкурентоспособного ведения дел, а с другой — сохраняется общественный характер организации производства сельскохозяйственной продукции.

Еще социологи нам сказали, что нужно обратить особое внимание на коллективизм. В стране, где он формировался столетиями, а индивидуализм рассматривался как одно из самых непростительных качеств человека, не может быстро выработаться устойчиво позитивной индивидуальной мотивации. В российской культуре еще не сложился и еще не известно, сложится ли, приоритет личной инициативы и активности.

— И эта форма сотрудничества оправдывает себя?

— Многие элементы этой конструкции работают, и работают прекрасно. Можно съездить в какое-нибудь хозяйство и посмотреть: не герои труда, не передовики, не выпускники Высшей школы экономики, а обыкновенные скотники, доярки, механизаторы в пределах своей фермы знают объем реализации продукции, структуру затрат, алгоритм формирования личной доходности.

Кое-что пока не совсем нам понятно. Но главное — крестьянин должен осознать себя не хозяином, нет, а частью этой жизни. Частью, которая взяла на себя ответственность. Наша задача — сформировать в психике каждого жителя чувство принадлежности к территории. Это у нас получается. Поэтому уровень хаоса на наших территориях уменьшается с достаточно большой динамикой.

«Русский Журнал» (<http://www.russ.ru/>)

28 декабря 2005 г.

Владимир Каганский

Зональная природная основа культурного ландшафта России

В данном цикле о культурном ландшафте именно России уже шла речь - и еще пойдет. Не многовато ли даже на такую большую страну (впрочем, о ее размере я напишу отдельно, размер - одно из сложнейших понятий)? Но дело в том, что это явление - ландшафт - сложно и потому многоаспектно. В первой статье цикла говорилось о концептуальной идеализации, схеме. Здесь речь пойдет об ином, но тоже концептуализированно. Дело в том, что пространство большой (и даже не очень большой) страны постигается и, соответственно, может быть представлено именно и только концептуально; почему это так, я уже писал и в данном цикле.

Полагаю, что все привычные внешние характеристики России - я буду ее здесь понимать максимально широко - читателю известны, иначе он не лез бы за подробностями и новыми идеями.

Так вот, пространство России, ее культурный ландшафт кроме конкретной специфики, присущей каждому месту и всякой стране (например, огромная протяженность с запада на восток или наличие на ее территории уникальных природных объектов вроде Байкала или Каспия), обладает спецификой, не сводящейся к внешним характеристикам (их можно снять с карты или прямо увидеть, читая карту) или сумме достопримечательностей. Пространство России обладает очень яркой и четкой структурой, присущей именно России; именно эта же структура присуща и России в любом ее представлении, в любой из осмысленных версий этого понятия, присуща и ее крупным частям - Европейской России, северу Европейской России (так называемому Русскому Северу, хотя вся эта территория исходно и во многом и сейчас заселена угро-финскими народами), Сибири.

Культурный ландшафт России - яркое и явное наложение форм государства на ясную и четкую природную дифференциацию. Культурный ландшафт России, прежде всего, ландшафт природно-государственный. О впечатанности государства в ландшафт речь шла уже неоднократно, но почти ничего я не говорил о природном основании российского культурного ландшафта.

Именно этими природными основаниями мы и займемся в этом эссе¹.

В культурном ландшафте России его природные основания читаются особенно ярко еще и потому, что они и очень существенны, и сами по себе закономерны. Для

территории России в целом в природном отношении чрезвычайно характерна ясная система природных зон, в целом тянущихся с запада на восток и сменяющих друг друга с севера на юг, в общем, в зависимости от получаемого от Солнца тепла, - природная зональность. Весь культурный ландшафт России носит отпечаток природной зональности. Несмотря на столетие активной урбанизации (хотя и весьма проблематичной по результатам), внегородской культурный ландшафт - то есть доминирующая по площади его часть - до сих пор строго организован по природным зонам.

Сельскохозяйственная деятельность, на половине территории России (вторая половина - леса, болота и горы) формирующая общий рисунок культурного ландшафта и отражающая его природную основу, сам тип и уровень общей освоенности территории (в частности, выражающийся в соотношении освоенных сельскохозяйственных, городских, промышленных и т.п. земель и земель остальных (лесных, болотных и т.п.), очень четко и закономерно дифференцирована именно по природным зонам, хотя бы и измененным антропогенно: степь почти вся распахана, но распахана именно потому, что это была степь с естественно плодородными черноземными и близкими к ним почвами (в дифференциации сельского хозяйства в ином масштабе огромную роль играют иные факторы, и они будут рассматриваться отдельно). Взять хотя бы чрезвычайно характерное и видимое не то что из космоса и на космических снимках или на картах, а просто с борта самолета² размещение сельских (а исторически недавно и почти всех) поселений. В бывшей степной зоне - ныне распаханной - села сидят по берегам рек, речек и балок, приурочены к гидросети; к ней привязана и лесная растительность. На севере, в таежной зоне, все еще лесистой (хотя лес не раз вырубался почти на всей территории зоны - кроме болот, крутых склонов, некоторых столичных территорий и труднодоступных мест), напротив, берега рек менее лесисты, освоены и поселения стоят на берегах рек, выбирая высокие берега, сухие и незаболоченные. На юге, в степи, наиболее освоены междуречья, относительно плоские плакоры (специальный термин, означает относительно плоские водоразделы); на севере, в тайге, напротив, именно плакоры не освоены, они обычно заболочены и вся освоенная территория (это прежде всего луга - на них и основывалось, в частности, производство некогда знаменитого вологодского масла) жметя к речным долинам. Ландшафт исходной Северной России - приречной (особенно если еще вспомнить транспортную роль рек и рыболовство).

Различия ландшафта Северной и Южной России, условно «леса» и «степи», огромны и ничуть не преодолены, отчасти даже утрированы многовековой непомерной распашкой степи. Сейчас поговаривают даже о многовековой гражданской войне «леса» и «степи» как чуть ли не движущей силе политической и культурной динамики России; о

двух русских этносах уже и давно пишут³. Значительная (высокого ранга) граница зон культурного ландшафта совпадает с границей Северной и Южной России (эти топонимы не в ходу - действует стереотип деления России на Запад (Европейскую часть) и Восток); она в ряде отношений значительнее, нежели чем политическая и этническая границы России и Украины. Таких примеров можно привести много.

Еще недавно природная зональность лежала в основе всей зональности культурного ландшафта (в том числе и зональности хозяйственной деятельности - за редкими исключениями крупнейших городов и азональной промышленности, подавляющая часть которой все же была и сама зональна, выростала из сельского природно-культурно-хозяйственного ландшафта и его венчала); основную часть своей истории Россия имела культурный ландшафт, строго организованный по комплексным широтным природным зонам. К ним, однако, дифференциация культурного ландшафта все же не сводилась. Но разве не везде так? Нет, не везде, хотя природная зональность - явление универсальное, но ярче и четче всего она именно на Восточно-Европейской равнине, на материале которой и была столь ясно описана. Кроме того, в иных местах зоны идут отнюдь не с севера на юг (скорее с востока на запад в Северной Америке, чему есть свои причины) или основой организации природного ландшафта служат не зоны, а азональные явления, рельеф, бассейны рек и дифференциация подстилающих почвы горных пород - крупные мозаичные районы, как в Западной Европе, или высотная поясность (высотная зональность), характерная для гор. Ландшафт же (Западной) Европы или Восточного Китая столь давно и глубоко освоен, что его природная основа уже плохо читается как таковая, а в России и, скажем, в Северной Америке читается хорошо.

Количество природных зон определяется по-разному в зависимости от масштаба и уровня детальности исследования; однако в зоны культурного ландшафта они превращаются отнюдь не прямым копированием - так различие тундры и лесотундры не имеет для культурного ландшафта русских и современного комплексного культурного ландшафта почти никакого значения, как и сами эти зоны, где русское сельское население незначительно, а городское население азонально, почти экстерриториально. Но эти же различия тундры и лесотундры имеют огромное значение для коренного, автохтонного населения. Так и степь вместе с лесостепью сейчас объединяет почти полное отсутствие лесной растительности (но исторически недавно и в степи, не говоря уж про лесостепь, были огромные массивы лесов) и высокая, чрезмерная распаханность; даже собственно степь сохранилась лишь в немногих заповедниках в этой зоне и на территориях военных полигонов. (На старом, еще с дореволюционных времен артиллерийском полигоне к югу от Оренбурга я и видел последний раз настоящую степь - да еще весной, в апреле, всю в

цветах - под дальние глухие звуки разрывов артиллерийских снарядов.) Имеет даже место обоснованная гипотеза антропогенного происхождения степи. Используя понятия сукцессии (закономерной, внутренне обусловленной динамики растительных сообществ) и климакса (конечного состояния этой динамики), следует сказать, что климаксными на всей территории России являются лесные сообщества, даже в степи и пустыне; обосновано мнение, что именно антропогенные явления, то есть именно старая и новая деятельность человека, мешает полному прохождению сукцессионного ряда и завершению его лесными климаксными сообществами⁴.

Тот ландшафт, который одним поколениям и группам предстает как девственный, для других является результатом их собственной деятельности. Но, во всяком случае, образ исконного, «настоящего» русского природного ландшафта - образ ландшафта, весьма глубоко трансформированного человеком и очень далекого от климакса, - дубрав на юге и ельников на севере; он не содержит никаких лугов и березовых рощ. Возможно, когда-то и тот пейзаж, который мы видим в «Сталкере» А.Тарковского - хороший визуальный ряд для понятия советского ландшафта, - каким-то группам будет казаться естественным и необходимым для жизни, и они будут требовать его сохранения и даже создания заповедников и противиться восстановлению на его месте нормального ландшафта⁵. (Так и для немалой части населения было бы осмысленно сохранить заповедник СССР.)

Преодолеть природную дифференциацию не удалось даже большевикам с их идеей господства над природой и триумфом планирования и проектирования⁶. Для понимания нашего ландшафта в канонической версии отечественной культуры, т.е. предельного литературоцентризма, надо читать А.Платонова. Советская власть пыталась многократно переделывать природу, стремясь подчинить и природный, и культурный ландшафт, хотя ни в одном документе КПСС или СССР мы этих словосочетаний не найдем. И это показательно: культурному ландшафту был нанесен максимальный урон, но он не существовал в онтологии власти; не существует и сейчас. Было стремление переделать весь ландшафт по единому образцу; нередко это были тучные черноземы Центральной Украины или Кубани; вся не столь уж давно воплощавшаяся программа подъема Нечерноземной зоны РСФСР (а в этом топониме разве не читается желанный стандарт?) стремилась перестроить хозяйство Средней и Северной России по образцу юга Европейской части СССР.

Почти перпендикулярно широтным природным зонам располагаются секторы: Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток (возможно и более дробное деление). С запада на восток четко нарастает

континентальность и сухость климата, иссякает мощное влияние западных атлантических воздушных масс; из-за ряда причин, в частности почти сплошного барьера гор, влияние Тихого океана и его морей гораздо менее значительно. Ландшафт становится суровее, его дробность (максимальная в Западной Европе) снижается с запада на восток; деление же материка Евразии на Европу и Азию с природной точки зрения не обосновано.

Таким образом, налицо естественная матрица природного ландшафта, получаемая взаимным наложением системы широтных природных зон и долготных секторов. Это наложение объясняет очень многое не только в природном, но и в культурном ландшафте. Эта же матрица до сих пор лежит, в общем, в основании экономических районов России.

Примечания:

1 Показательно, что автор интересной книги - Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1998 - был вынужден, характеризуя культурный ландшафт Балто-Ладоги как исключительно трансформацию природного ландшафта, исключить Петербург.

2 Но в окна и иллюминаторы теплоходов, автобусов, поездов и самолетов редко кто смотрит: российские пассажиры чрезвычайно нелюбознательны и, видимо, презирают свою страну, раз не пользуются всякой - и не требующей никаких дополнительных затрат - возможностью ее узнавать, видеть, понимать.

3 Яковенко И.Г. Северорусская и южнорусская народности. Этнокультурные и политические аспекты // Куда идет Россия?.. III. Социальная трансформация постсоветского пространства. - М.: Аспект пресс, 1996.

4 См. Разумовский С.М. Избранные труды. - М.: КМК Scientific Press, 1999.

5 См. мою статью «Толкование экологического кризиса как феномена массовой культуры» и статью Оскольского А.А «Глобальный экологический кризис: существует ли он и как его встречать?» // Ресурсы ноосферного движения. Вып. 2. Мат-лы междун. конф. - Рыбинск, Рыбинский Дом печати. - 2004.

6 Советское пространство - одновременно и триумф проектного подхода к ландшафту, проектизма (см. соответствующий раздел моей книги «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство»). - М.: НЛЮ, 2001 и «Главные подходы к ландшафту // Русский журнал»), и свидетельство его величайшего поражения: спроектированный СССР распался именно на те составные части, из которых он «изготавливался» и которые и были функциональными деталями его непростой, но совершенно неживой и неодушевленной конструкции (см. указанную книгу).

Независимая газета

#64 (3744) от 31.03.2006

Анастасия Мазуренко

Село Перемилово и его обитатели. Мир и дар Владимира Любарова

15 лет назад преуспевающий книжный график Владимир Любаров переселился из Москвы во владимирскую деревню Перемилово, где создал свой неповторимый мир, полный грудастых баб, подгулявших мужичков, летающих евреев, кричащих рыб и вороватых котов. Любаров рисует не знакомые с детства лица, а портреты человеческих душ, деревенское наводнение для него – не разрушительное явление природы, а состояние русской души, не случайно его работы так любят на Западе. Крестьянский лубок, герои Босха и Брейгеля, Шагала и Ситникова – вот предшественники его фантазмагорий. Лучшие иллюстрации Любаров сделал к Гоголю, Лему, Стругацким. Недавно в Доме Нащокина прошла ретроспективная выставка народного художника.

-Владимир Семенович, расскажите, как преуспевающий столичный художник становится деревенским бытописателем?

– Вы знаете, осточертело все! И я потрясающее нашел место: на косогоре, внизу река, совершенно нетронутая природа. И какая-то ужасно добрая деревня. Я таких людей доброжелательных, искренних не видел никогда в жизни. Рай оказывается достижим. После переезда в деревню – с шага совершенно иррационального для меня – в моей жизни изменилось все. Начнем с того, что я полностью сменил свое амплуа, перестал быть книжным художником. А я всю жизнь был главным художником: сначала в издательстве «Реклама», потом в журнале «Химия и жизнь», потом в первом частном издательстве «Текст». То есть я был во многом функционером. А после переезда в деревню стал совершеннейшим разгильдяем. Занялся станковой живописью, которая раньше не занимала в моей жизни серьезного места. Но даже в страшном или чудном сне мне не представлялось, что эти картинки вдруг кому-то понадобятся.

Все мои друзья смотрели и говорили: «Иллюстрации к Вольтеру – какая была высота! Куда ты упал? Рисуешь каких-то колхозников...» Я им отвечал: «Друзья, вы ничего не понимаете!» Это длилось до тех пор, пока коллекционер Кристина Делавр не увидела мои картинки и не начала меня продвигать за границу.

Я получил заказ на русские пословицы от издательства из Великобритании. Книга имела большой успех и до сих пор продается в Европе.

– В 70-е вы получили известность прежде всего как книжный график и главный художник легендарного журнала «Химия и жизнь». Научно-техническая иллюстрация в то время была отличной синекурой, художники были свободны и делали почти все, что хотели.

– Вообще оформительское искусство было в то время на очень высоком уровне. А научные редакции отличались хорошим уровнем культуры и восприятия изобразительного искусства, поэтому мы и прижились там. Художники не пытались дидактически объяснить смысл статей – скорее речь шла об ассоциативном ряде. Надо сказать, что художники все там были очень умные и, как показало сегодняшнее время, их взгляд на мир во многом был мудрым и более правильным. Более сложным и неоднозначным. У меня было очень много друзей, от которых я вдруг неожиданно узнавал, что они выписывают «Химию и жизнь». Другу я говорил: «Почему вдруг ты, человек, который так далек от химии?» Он отвечал: «Я далек от химии, но я близок к жизни, и вообще я, честно говоря, журнал почти не читаю, а смотрю картинки». Сейчас уже мало кто помнит «Химию и жизнь», хотя она выходит до сих пор.

– Вашу живопись можно назвать литературной? Мне кажется, что ваши работы легко поддаются литературной интерпретации, по ним можно сочинять рассказы.

– Да, я думаю, что она, может быть, даже слишком литературная. Почти 30 лет я иллюстрировал книги. Может это испариться? Конечно, нет. Я художник и сочинитель в одном лице. Мне вообще трудно сделать картинку, если я про этого человека ничего не сочиню. Когда писатели у меня спрашивают: «Сделаешь мне книгу?» – я говорю: «Я теперь работаю художником». – «А я тебя кем приглашаю?» – «Ты меня приглашаешь быть иллюстратором, а я теперь сам сочиняю истории». Мои картинки – как в русском лубке: там художник сочиняет целый роман и изображает из него небольшую сценку. Я штудировал лубок, пытался понять, как это сделано, что за что зацепилось, страшно художнику было или смешно, работал он на вдохновении или его работы так хороши, потому что он другой лубок видел – у соседа. Сейчас уже хорошего лубка нет. А тот, что есть, – очень часто пошлый, примитивный. В самом худшем смысле этого слова.

– Недавно вы иллюстрировали книгу Улицкой, которая узнала в вашем «Перемилове» свое детство. Вам не пришлось выдумывать – персонажи «Детства сорок девять» уже жили на ваших картинах.

– Действительно, она увидела в моих работах Москву 50-х годов, хотя я делал Юрьев-Польский и Переславль-Залесский, не воспроизводя их буквально. Я люблю там бывать и пишу в основном по памяти. Об ощущении старой Москвы я никогда не думал, на мысль, что я нарисовал свое детство, меня навела Улицкая. Я вообще не люблю, когда художник-иллюстратор пытается повторить в изобразительном виде то, что сказал писатель. Мне

кажется, что это ограничивает читателя, у него должна работать своя фантазия. А я создаю фон. Чтобы читатель читал Книгу, а не книжку с картинками для маленьких: кошка и рядышком котенок. Мне наоборот хочется: если котенок – значит тигра нарисовать.

– Какие они – перемиловцы? Чем отличаются от городских жителей?

– Представьте себе жизнь в деревне: телевизор там до сих пор до десяти часов ничего не показывает, несмотря на то что мне сделали роскошную антенну. Остается радио «Эхо Москвы» и общение с людьми. В Москве я общаюсь с интеллигенцией, а там – с простыми людьми. Общаешься с интеллигентами и как-то все время смотришь на себя со стороны, каждое свое слово взвешиваешь: а что я скажу, а как я буду выглядеть? А там я общаюсь – и говорю все как есть. За исключением того, что может обидеть людей. В городе простые люди – пусть они меня простят – мне кажутся в значительно большей степени хамами, чем деревенские. В деревне даже такого слова, как антисемитизм, не знают. Никогда не было у них агрессии. В русском народном человеке ее нет – по крайней мере сужу по своему опыту. Вообще провинция и Москва – это две страны, в Европе этого нет. Взять Германию: приезжаешь в маленький городок – там роскошный супермаркет, жизнь мало чем отличается от большого города. У нас же в провинции разруха, бедность невероятная. Но здесь другой ритм, совершенно немосковский, я здесь отдыхаю душой. Дух развитой, доброжелательность, трудолюбие. Пьянство чисто русское – это не пьянство бомжей, на которых страшно смотреть. Здесь хорошая природа, постоянный труд. А потом это как приятно – чудный воздух. Сядешь на крыльцо – можешь просидеть час, ни о чем не думая. И в то же время какая-то происходит работа.

– Почему перемиловские женщины такие большие?

– Если говорить серьезно, то если из Перемилова и всех соседних деревень вынуть женщину, все, конец, деревня тут же умрет. Потому что на женщине держится русская деревня. Мужик пьет, мужик гуляет, серьезно о семье не думает. А еще я тут использовал прием художников-примитивистов: у них часто одна фигура большая, а вокруг маленькие. Художники лубка рисовали прекрасно, без всяких знаний перспективы и анатомии. Они более значительного человека делали больше, менее значительный человек был меньше, таким образом подчеркивали свое отношение. А я женщину деревенскую уважаю больше и больше ценю. В этом есть и реальная правда, потому что мужик измелечал не только нравственно, но и физически.

– Ваши персонажи живут в сегодняшней деревне или это мир, которого уже нет? Перемилово ваше вообще сказочное, как будто придуманное.

– А оно есть в действительности. Наверное, если бы было придуманное, я бы назвал по-другому. Войнович ко мне приехал: «А где разваленный сарай – у тебя там был нарисован? А где ты русалок видел?» Видимо, убедительностью обладают картинки.

Когда я поселился в деревне и начал в ней жить, я воспринимал ее как на картинах художников 20-х годов XIX века. Дома такие же. Все такое же. А я тех жителей и не знаю, только представить себе могу. Поэтому я иногда мог надеть картуз, который носили до 40-х, так же, как его носили при Кустодиеве, а после войны перестали носить. Делал я это потому, что хотел какую-то связь времен почувствовать. Когда копаешь огород, в слоях земли то найдешь старинную подкову, то керосиновую лампу, утюги, чайники. Не может это не повлиять, когда пишешь картины.

Кроме того, я таким образом показываю: в деревне жизнь не развивается, как в больших городах. Когда я приеду из Москвы, как там Колька сидел на бревне и сигарку курил, так в этой позе и сидит, ну, может, чаю попить отошел. Нединамичность этой жизни таким образом у меня отражалась. Размыть год, даже столетие – так же как чуть-чуть размыть индивидуальные черты и сделать архетип человека.

– А как бывает: вы что-то сочиняете и легенда оказывается почти правдой или же наоборот?

– Это очень хороший вопрос. В общем и целом – этот процесс взаимный. Часто бывает, что мои персонажи «оживают» и приходят засвидетельствовать мне свое почтение. У меня был случай, когда я нарисовал Васю: я сочинил историю, как некто Вася поехал в провинциальный городок Юрьев-Польский. Я обожаю этот город, он в сорока километрах находится от деревни Перемилово. Вася поехал, купил пол-литра, рыбу какую-то большую, еще чего-то, стоит с велосипедом и позирует мне. Нарисовал я эту картину, прошло месяц-два, слышу, жена кричит мне: «Посмотри, твой персонаж пришел!» Пришел Вася, его, правда, звали по-другому, но точно Вася! Он пришел предлагать работу: «Я слышал, тебе парник нужно поставить, огород вскопать?» Многие мои персонажи – это собирательные образы моих друзей. Я часто картину называю «Коля». Что-то внутренне, конечно, от своего друга Коли я даю, но это не портрет. Хотя иногда я прямо подписываю: такой-то. Но это чаще всего игра. Очень печально, что все мои друзья в Перемилово уже умерли.

– При первом же взгляде на некоторые ваши работы невольно на ум приходит живопись Северного Возрождения – Босх, Брейгель, даже маньерист Арчимбольдо – художники, которых волновала проблематика двойственности человеческой природы. Их работы достаточно близки к народному искусству.

– Конечно, на меня Северное Возрождение очень сильно повлияло, и Брейгель, и Босх. Я помню, когда увидел их впервые в альбоме – мне было тогда лет 17, – я совершенно был поражен, неделю ходил с больной головой. Потому что Южное Возрождение – более реалистическое, более наполненное телесно, а Северное – такое изысканно-тонкое, наполненное мифами, лукавством народным. Что касается художника Арчимбольдо – мне он очень нравится. Руссо обожаю, периодически открываю какие-то новые грани в нем. Мне близки югославские примитивисты – Иван Генералич и его сын, наш современник, он почти неизвестен. Но сказать, что я кому-то следовал, – нет.

– *После Шагала в России никто еще не создавал столь самобытного, отчасти фантастического, отчасти иронично-обаятельного уютного мирка русских евреев. Откуда во Владимирской области летающие евреи?*

– В 92-м году я впервые поехал в Европу, в Антверпен, как главный художник издательства «Текст». Меня поселили на углу еврейского квартала, о чем я, естественно, не знал. В первый день цивилизованные европейцы меня напоили очень крепко. С утра болит голова. Я решил, что мне надо поправить здоровье – тут уж что Европа, что Россия... Я вышел из гостиницы, потому что мне было неудобно спрашивать: «Где у вас тут выпить можно?» Вышел, смотрю – человек идет: черная борода, шляпа черная и черное пальто почти подметает улицу. Прошел дальше – второй такой человек, третий. Ну, думаю, – все, допился. Первый раз в жизни я увидел ортодоксального еврея. И вспомнил бабушку. Бабушка у меня была настоящая правоверная еврейка, родилась она в Польше, жила в местечке. И вот эта тема у меня осталась в голове, и, когда я обнаглел и стал рисовать картины уже маслом, я, конечно, попытался выразить свое восхищение этими людьми, бабушкой, тяжелой судьбой, юмором необычайным. Конечно, я изобразил мир, которого уже нет, мы видим отголоски этого мира, но они очень театральные. Это такой небольшой театр. Я взял евреев и поселил в чисто русской деревне, где они вообще не могут находиться. Они у меня там зажили жизнью, которой положено жить русским крестьянам. Там они и водочку пьют, и в баньке парятся, и среди березок отдыхают. Оказалось, что это все было на самом деле. Не так давно я прочитал, что рядом с моей деревней Перемилово был Шуйский уезд, в котором было 300 еврейских семей, были синагоги, были погромы. Все, что сгинуло после революции.

– *Ваша серия «Наводнение» – тоже сказка, ставшая былью. Каждую весну приходит паводок и деревню затопливает. «Наводнение» – состояние русской души?*

– Смысл этой серии заключается в том, что ничего не надо преодолевать – вода уйдет сама. Более того – не надо мир подстраивать под себя, надо подстроиться под мир. По сути дела, городской человек сейчас такой созидательный, активный, он и к миру

подстраивается, но и мир хочет изменить. А человек деревенский мыслит только в одном направлении: подстроиться под мир. Дождь пошел – что ты можешь сделать? У нас облака начинают разгонять – для человека деревенского это же вообще какие-то чудеса, может быть, даже и вредные – вмешательство в природу. И экологию деревенский житель не портит. Этому меня тоже жизнь научила. Я сейчас вообще плыву по течению, а раньше что-то стремился запланировать в своей жизни, чего-то добиться...

– *Вы рассуждаете почти как даосский мудрец, философствующий о прелести «недеяния», и одновременно в ваших словах есть оттенок типично русской лениности.*

– Я на телевидении в прямом эфире был, и меня спросила ведущая: «Ну что вы можете про перемиловцев сказать – трудолюбивые они или с ленцой?» А там надо отвечать очень быстро. Я сказал: «Трудолюбивые и с ленцой». Потом уже я подумал и понял, что это точная оценка. Философии там внутри нет никакой. Это менталитет. Не думаю, что они не делают чего-то осмысленно. Правда, в деревне есть и чудачки, юродивые, которые начинают баламутить народ, что-то изобретать, какую-нибудь электростанцию строить – раньше, конечно. И таких людей деревня, как правило, не понимает. А мне стало спокойнее жить, когда я часть этого деревенского менталитета неосознанно в себя взял. Я думаю, что истина где-то посередине: важно и что-то созидать, и в себе человеческое не терять при этом. Я вообще часто у людей спрашиваю: «А что я сделал?» Через деревню я пришел к этой земле, а вместе с землей – к этой самой масляной краске. У меня это вышло очень органично, я как бы к себе домой пришел. Бывает, скитается человек и не знает, где его пристанище. И случай меня привел в Перемилово.

Александр Прошкин

Интервью

(фрагменты)

Радиостанция «Эхо Москвы», 29 Январь 2007

<http://www.echo.msk.ru/programs/success/49214/index.phtml>

Ведущие: Ксения Ларина

Гости: Александр Прошкин, режиссер телесериала "Доктор Живаго", удостоенного премии "Золотой Орел" в номинации "лучший телесериал года", фильмы "Михайло Ломоносов", "Русский бунт", "Холодное лето 53-го года".

<...>

А. ПРОШКИН: Вы знаете, это вообще, так сказать, главная русская тема. <Тема совести и социальной ответственности.—Н.П.>Это, в сущности, некий ген русской интеллигенции, всегда чувствовать свою вину, в том, что происходит вокруг. И собственно на этом и построена роль Живаго. Человека, который, в общем, ни в чем не замешан, и ничего предосудительного не сделал ни в ту сторону, ни в другую, чувствует свою ответственность, чувствует свою вину и уходит из каких бы то ни было активных проявлений жизни уходит в замкнутую сферу творчества, которая никому не публикуется, не показывается, просто остаются вот такие тетрадки от него. Это, конечно, не универсальный ход, не универсальный выход, что ли, в жизни. Но вот чувство личной причастности и ответственности, мне кажется, вообще как бы основа все-таки интеллигента – это совесть. И если рядом кто-то мучается, если происходят какие-то грандиозные события, которые просто переворачивают жизнь целого народа, то невозможно не отзываться на это. И эту боль не чувствовать.

К. ЛАРИНА: Ну, а за кого вот переживать, опять же вспоминая "Доктора Живаго"? Ведь народные проявления человеческой души, они чудовищные в изложении Бориса Пастернака.

А. ПРОШКИН: Это не так все просто. Борис Леонидович Пастернак прошел очень долгий путь в этом смысле. И в романе этот путь очень четко прослеживается. Скажем, весь этот дом Громыко чрезвычайно был настроен, они скорее были народники.

К. ЛАРИНА: Это их и погубило.

А. ПРОШКИН: И заканчивается тем, что господин Громыко пишет разгромную статью именно по поводу русского народа и уезжает на философском пароходе. А просто понятие "народ" – это такое мифологическое понятие. Народ же состоит из огромного количества людей совершенно разных, и разных слоев. Просто в разные периоды жизни доминирует один слой, или другой слой. Во времена какой-то ясной, стабильной, нормальной жизни всегда доминирует творческое начало, т.е. делатель, пахарь, человек-созидатель. Но это не означает, что в это же время не существует довольно значительный слой разрушителей, бездельников, людей, которые хотят все там поджечь, отнять, разделить. Просто сама ситуация не дает для них, не дает им повода, не дает им возможности. А вот эти революционные катаклизмы, они в первую очередь, особенно гражданская война, они как раз уничтожают вот этого пахаря и делателя с двух сторон. И не важно, красные они или белые. Они с двух сторон погибают. В первую очередь погибает герой, т.е. цвет нации, генетический фонд, в этом смысле, конечно же, народ деформируется. Я считаю, что наш народ действительно великий народ. Действительно великий, потому что пережить 20 век и сплошные катастрофы, драмы, затяжную гражданскую войну, которая, с моей точки зрения, в нашем сознании не окончилась и по сей день. Это может только очень могучий народ. И каждый раз возрождаться практически почти из пепла. Это нужно быть очень даровитым и талантливym народом, и народом с какой-то невероятной духовной мощью.

К. ЛАРИНА: Но, тем не менее, даже если мы говорим о 20 веке, и плавно переходя в 21-й, почему-то народ в большинстве своем всегда очень легко поддается на искушения подлецов. А совсем не наоборот. Идет на поводу именно у личностей достаточно мрачных.

А. ПРОШКИН: Ну, что значит "идет на поводу"? Он, может быть, и не шел бы на поводу. И очень часто не шел на поводу и сопротивлялся. И все эти крестьянские восстания, все это было. И народ проявлял, а казаки, которые боролись за себя практически до последнего? Нет, нельзя говорить, что народ легко поддавался.

К. ЛАРИНА: Но большинство же поддерживали. Слезами умывалось 5 марта 1953 года.

А. ПРОШКИН: Значит, это очень мощная, хитрая, сильная и умелая власть, которая умело манипулировала сознанием и прекрасно понимая национальную специфику, национальную ментальность. Знала, на что нажимать.

К. ЛАРИНА: Ну, вот, кстати, если говорить об истории, Вашем отношении к истории. Вы скорее фаталист, или все-таки есть вещи, которые Вы можете объяснить с научной точки зрения? Что происходит с родиной?

А. ПРОШКИН: Каждый раз пытаюсь ответить на этот вопрос. И закончив одну картину, начинаю отвечать на этот же вопрос другой, вот, скажем, "Русский бунт". Это история пугачевского бунта. И я пытался понять природу этого бунта. И что это за явление такое Пугачев. И я пришел к какому-то своему выводу, что все это носит несколько такой карнавальный характер, где обязательно должна была появиться фигура мощного актера. Это был Пугачев. Это человек ничтожный в собственном смысле. Но в ролевой ситуации он поднимается до невероятных высот. А роль всегда требует эффекта, да, эффектных реприз. Какие репризы в этом театре? Кровавые репризы. Все эти казни бесконечные безумные, кровавые вылазки, за 4 часа утопил 4000 человек в Казанке. Занял Казань. Разграбил церкви, монастыри, все там уничтожил, утопил людей и бросил. Эффектно. Понимаете, это такой кровавый театр. Я думаю, что это свойство не только нашего народа, это вообще природа разрушительной стихии. Мы падки на нее. Исторически, наверное, объяснимо. И крепостное право, которое деформировало национальное самосознание. Отсюда у нас привычка, если можно, не работать, то не работать. Лучше бы не работать. Потому что труд подневольный.

К. ЛАРИНА: Хорошо бы еще, чтоб все поделить.

А. ПРОШКИН: Но в то же время потрясающий народ. Я не могу забыть, когда снимал Ломоносова, я жил на Мезене в деревне, в доме мужичка. У него было три дома. Он жил один со своей женой, лет ему было за 70. Строил, заканчивал потрясающий третий дом. Я говорю: а зачем тебе вот третий дом? А он говорит: если я остановлюсь, так я помру. И вот этот маленький человек полтора метра ростом с топором не расставался. Он все время что-то делал. Вот это невероятное, созидательное начало, это тоже свойство нашего

народа. И народный гений действительно, русские, которые сейчас заполнили все американские университеты.

К. ЛАРИНА: Ужасно, что они все там в итоге оказываются.

А. ПРОШКИН: Это ужасно. Но они русские. У них талант к аналитическому мышлению. Это чувственное начало, которое создало величайшую культуру, которая оплодотворила, в общем, все искусство 20-го века. Русская культура.

<...>

К. ЛАРИНА: В сегодняшнее время я возвращаюсь к народной теме.

А. ПРОШКИН: Это очень опасная тема, как только произносишь слово "народ", тебя начинают ненавидеть то с той стороны, то с этой стороны.

К. ЛАРИНА: Нет, народ разный. Но почему-то люмпенов оказывается всегда больше. Которые сегодня, на мой взгляд, может быть, на меня тоже полетят плевки со всех сторон, сегодня определяют, в том числе, и уровень общественного сознания. Они задают тон, и уровень культуры. Если это можно назвать культурой. Они определяют моду. На их мнение ориентируется телевидение. На их мнение ориентируется мейнстрим.

А. ПРОШКИН: Вы кого имеете в виду?

К. ЛАРИНА: Кто ориентируется? Люмпингов?

А. ПРОШКИН: Кто как бы задает тон-то?

К. ЛАРИНА: Большинство.

А. ПРОШКИН: Вы знаете, я сейчас буду снимать в Нижегородской области, через пару дней опять туда поеду. И каждый раз, когда я возвращаюсь оттуда, и подъезжаю на поезде к Москве, у меня просто болит сердце, мне стыдно за то, что мы сделали с крестьянством...

К. ЛАРИНА: А оно есть вообще?

А. ПРОШКИН: Как Вам сказать? Скорее, нет. Потому что эти люди уже не крестьяне. Поля заросли. Я снимаю в фантастической красоте старообрядческих деревнях. Гигантские дома, где Вы встанете, поднимите руку, и не достаете до окна.

К. ЛАРИНА: Они еще сохранились?

А. ПРОШКИН: Они сохранились. Но они погибают. Там на три разрушенных дома один остался целый. Людям делать совершенно нечего. Никаких колхозов не существует, поля уже заросли березами в 10-15 метров. Работы у них нет никакой. Значит, приспособились переродились в пролетариат, т.е. рубят лес, который принадлежит господам из Москвы. Все раскуплено. Лесные участки.

К. ЛАРИНА: Т.е. все частное?

А. ПРОШКИН: Это все частное, принадлежит весьма даже известным лицам в Москве. Мне стыдно смотреть в глаза этим людям. Нищета невероятная. Доброта невероятная. Приезжает 2 раза в неделю автолавка, привозит спирт и хлеб. У них и денег на большее нет, да и ничего им больше и не нужно.

К. ЛАРИНА: Все старики, наверное?

А. ПРОШКИН: Нет.

К. ЛАРИНА: Т.е. есть еще люди работоспособного возраста?

А. ПРОШКИН: Встречается мужиков лет под 40, они выглядят на 70.

К. ЛАРИНА: Пьют?

А. ПРОШКИН: Да, они пьют, но они пьют, понимаете, от абсолютной безнадежности. Каждый раз они говорят: «Ну, Вы там в Москве скажите, что мы еще живем. Что на нас тоже нужно обратить внимание».

<...>

А. ПРОШКИН: Нет, у меня большой проект <сценарий фильма «Живи и помни» по повести В.Распутина.—Н.П.>, который я много лет хочу поставить, но я не могу на него получить бюджет. Это очень дорогостоящий исторический фильм. И вот то, о чем я рассказывал о нижегородских своих странствиях, мне какое-то время колебался, но когда я поехал и увидел все своими глазами, мне так пронзительно жалко стало этих людей и так стыдно. И мне кажется, что это сегодня, эта картина не столько о 45-м годе, сколько вообще об этих людях, которые на наших глазах практически исчезают. Это все равно, что старики, которых мы бросаем, предаем, забываем могилы. Это страшное преступление. Я обратился как-то к одному весьма влиятельному телевизионному деятелю, я сказал: «Вы такой прогрессивный, сильный, мощный человек. У Вас такая трибуна. Съездите, сделайте репортаж, покажите, как живут эти люди. Это так же страшно, как Чечня. Там никто не стреляет, но это так же страшно. Это нищета, вырождение, голод. И главное, ощущение безнадежности. Да, у них стоят телевизоры. У кого старенький черно-белый, у кого цветной...

К. ЛАРИНА: И ловится, наверное, один канал.

А. ПРОШКИН: Я даже не знаю, что они там ловят. Но этот гламур, который насаждается...

К. ЛАРИНА: или Петросяна смотрят. Их веселят все время, да? Ужас.

А. ПРОШКИН: Они вообще не очень веселятся. Не очень веселятся. Но то, что они видят на этом экране, настолько далеко от их жизни, настолько их не затрагивает, как и, мне кажется, очень большой процент нашего народонаселения, который приучили, посадили на эту иглу и, значит, они с удовольствием с утра до ночи смотрят, как мочат, убивают, стреляют, предают.

К. ЛАРИНА: Это каким-то образом действуют на него?

А. ПРОШКИН: Вы знаете, действует. Я думаю, что действует. Это называется в медицине барбитураты, вот такие притупляющие средства, притупляющие сознание. Особенно страшно, мне кажется, как это действует на молодежь. Вы переключаете каналы. Во-первых, вот на одном канале, в диалоге слышите "ты козел", переключаете на другой: "нет, ты козел".

К. ЛАРИНА: В лучшем случае.

А. ПРОШКИН: Это уровень диалога. Значит, если едет машина на экране, она обязательно должна приехать, остановиться, закрыться дверь, т.е. показать, какие у нас роскошные машины ездят. Оружие беспрестанное, кровь. Когда людей приучают, что кровь – это развлечение, что оружие – это нормально, это оборачивается тем, что они так к этому и относятся. Говорят: «Почему так много оружия?» Да. Потому что мы их приучили к этому.

К. ЛАРИНА: Ну, подождите. А с другой стороны я не верю, что если заменить всю эту кровавую эстраду, если все это вместе соединить, какими-нибудь высокоинтеллектуальными, высокодуховными передачами, что это будет пользоваться популярностью. Не будут смотреть. Нельзя вместо Петросяна поставить концерт симфонической музыки. Так не бывает.

А. ПРОШКИН: Я думаю, что англичане ничем не умнее нас. И немцы тоже не умнее нас. Но на любом из главных каналов в Германии обязательно будет концерт симфонической музыки. На главных, а не на арт-каналах.

<...>

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Здравствуйте.

А. ПРОШКИН: Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Меня зовут Ольга. У меня к Вам следующий вопрос. Мне очень импонирует Ваша точка зрения, очень глубокие такие мысли. И в то же время я вижу некоторое противоречие. Вот, например, касательно того, что Вы говорите о молодых россиянах, которые учатся в Штатах и в университетах крупных. Предпринимают огромные усилия для того, чтобы изменить свою жизнь, и в то же время Вы говорите, что сделали с крестьянством. А крестьянство имеет какую-то волю? И что в принципе нужно крестьянину, помимо земли и рук, грубо говоря, для того, чтобы обеспечить свое существование. В чем их воля проявляется?

К. ЛАРИНА: Спасибо, Ольга, за вопрос. Пожалуйста, Александр Анатольевич.

А. ПРОШКИН: Вы знаете, крестьянский труд, это же не индивидуальный труд. Сегодня человек сам по себе без того, чтобы в него вложили какие-то деньги, ничего не может сделать. Сам объединиться он не может. Колхоза, этой структуры, которая сгоняла всех, общины, не существует. Поля зарастают. Техники у него нет. Руки у него опускаются. Хорошо, вот раньше лет 10 назад, приезжаешь в каждой деревне 10-15 коров, почти у всех были коровы. Сейчас нам нужно было снять корову с телятком, мы пять деревень объездили, чтобы найти корову с телятком. Почему? Потому что, ну, хорошо, они содержат эту корову, но они не могут это молоко продать. Для этого нужен транспорт. Денег на транспорт у них нет. А транспорт есть, нужны деньги на бензин. Отвезешь это молоко черте куда, у тебя купят его за копейки. Без специальной программы государственной, без внимания, без ответственности элиты ничего не получится. Понимаете, крестьянство, это наши прародители, при советской власти мы генетически были все-таки связаны с этим классом. Мы не отрывались от него. Мои родители из такой вот деревни. А сейчас все говорят: «Я в третьем поколении граф или князь». Все забыли про деревню, и она исчезает на наших глазах. Она исчезает у нас не только как экономический фактор, она у нас исчезает как культурный фактор. Как образ пространства, пространства бесконечно красивого. Вы знаете, как это красиво. Как поразительно построены деревни. В одной деревне фантастической красоты деревянная церковь сожженная. Колокольня сползла. И она сгорела. Это произошло недавно.

К. ЛАРИНА: А кто ее сжег?

А. ПРОШКИН: Ну, я не знаю. Откуда я знаю. Я приехал, увидел, заехал туда на полчаса, не могу исследовать, кто это сжег. Да никто никогда и не скажет, кто сжег.

К. ЛАРИНА: Человек же сжег.

А. ПРОШКИН: Да, но ее сожгли уже в наши времена. Борьбу с церковью, она пережила. А сейчас нет. На съемках фильма «Доктор "Живаго"» мы нашли потрясающий совершенно особняк Шехтелевский под Костромой. Прямо на берегу Волги потрясающее совершенно место. Мы там снимали, меня это зрелище совершенно потрясло. Остатки потолка резного есть. Где-то куски остались, остатки дубового фантастического паркета. Резные двери. Вся эта резьба невероятная. Это за три года особняк, в котором раньше был пионерлагерь,

над которым, конечно детки тоже немножко поизгалялись. Так вот за три года его передали на баланс МВД, с баланса МВД еще куда-то, и местные жители, этот архитектурный памятник уничтожили просто. Растащили все, что там было.

К. ЛАРИНА: Пожалуйста, тоже народ.

А. ПРОШКИН: Да. И это тот народ, который живет рядом. Мы когда там снимали, вдруг у нас исчез весь грим. Просто украли чемодан с гримом. Там всего два дома рядом было. Милые, очаровательные люди. Симпатичные очень. Мы их в массовку приглашали. Но, тем не менее, грим прихватили.

К. ЛАРИНА: Давайте еще звонок, успеем. Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Здравствуйте.

К. ЛАРИНА: Пожалуйста.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Вы знаете, мне кажется, я тоже согласна с этой вот выступающей женщиной, что Вы сгущаете краски. За полчаса, которые Вы пробыли в этих деревнях, ничего невозможно узнать. Это первое. У всех у них есть приусадебные участки. Приусадебные участки – это свои овощи. А продавать молоко не обязательно совершенно. Себя можно содержать. Имея корову, имеешь все. И масло, и сметану, и творог и все, что угодно. Зачем им продавать. Вы только что сказали, что они живут в страшной нищете. Пьянство от безысходности. Пьянство там было всегда. А безысходности никакой нет. Крестьянству нужна, действительно, только земля и руки хорошие. И все. Не над так сгущать. Вечно мы прибедняемся.

А. ПРОШКИН: Татьяна, я уважаю Вашу точку зрения, но остаюсь на своей точке зрения. Крестьянству нужно внимание, прежде всего.

К. ЛАРИНА: Что им надо предложить? Земля есть.

А. ПРОШКИН: Нужна специальная программа... Какая у них есть там земля? У них есть отдельные, так сказать, наделы, пай этой земли. Эта земля не используется, как пахотная земля. Она уже превратилась в лес. И эти леса у них выкупают, их эти наделы за копейки.

И эти леса принадлежат частным людям. Таким образом, земли у них уже, как таковой нет, это уже лес. Вот правый берег Волги, он уже почти весь безлесный Левый – лесной. Доведут левый берег до правого. Сведут эти леса, что дальше будет? Не случайно появилась Столыпинская программа, потому что вопрос этот назрел. И вопрос этот стал проблемой государственной, и родилась специальная программа, которая была разработана не только им, но целым рядом людей занимающихся проблемой экономики и земледелия. Сейчас мы говорим о том, что надо поддерживать фермеров. Там фермеры не могут возникнуть. Им не на что возникнуть. А если он и возникает, этот фермер...

К. ЛАРИНА: То его сожгут соседи.

А. ПРОШКИН: Его сожгут соседи. Подниматься могут только все вместе. Одним миром.

<...>

Научное издание

РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ ВЕКТОР

Подписано в печать 06.11.2006. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в минитипографии ГУ-ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский пр., д. 3.